

городъ явилось изобиліе, и онъ спалъ лучшіе и красивѣе прежніяго. Попечительная матерь Данилова также попрощалась. Сыну ея уже было почти двадцать лѣтъ. Русской дворянинъ долженъ служить и непремѣнно въ военной службѣ: покрайней мѣрѣ въ то время такъ думали. Онъ послѣдъ просьбу въ Военную Коллегію, и былъ опредѣленъ капраломъ въ полкъ, недалѣко стоявшій отъ Крыма. Матерь снарядила его, опслужила молебенъ въ Соборной церкви Милостивому Спасу, благословила его образомъ Чудотворца Николая, дала спло серебряныхъ рублей на дорогу, облила слезами, проводила за городъ, еще облила слезами, и проспилась съ пять павѣки.

Юноша съ образованіемъ, по неопытнѣмъ умомъ, съ сильными, хотя и добрыми спраспями, вступалъ въ свѣтъ, находился въ опасномъ и тяжкомъ положеніи. Въ сердцѣ его бушевали вожделѣнія, а разумъ еще не въ состояніи ни направлялъ, ни укрощалъ ихъ; онъ изучилъ мудрыя и высокія правила нравственности, а люди по большей части безумствующіе и управляемыя тщкомъ низкими помыслами; въ душѣ его пробуждалась природа желанія и надежды, певинная и благая, а общество посмѣвается надъ ними и разрушающіе ихъ. Жестокая борьба начинается: счастливъ онъ, если, по безчисленныхъ сраженіяхъ и извахъ, оспаривающіе побѣду, покрайней мѣрѣ въ душѣ своей, а не во мнѣніи свѣта, ибо послѣднее невозможно. Такъ испытывалъ онъ родимое гнѣздо, разправляясь крылья и поднимаясь на воздухъ; но не умѣя ни править самимъ собою, ни превозмогающіе бурныхъ вѣшровъ, падающіе, падающіе тысячу разъ, доколѣ не укрѣпится силами, не узаетъ своей спинахъ, и не воспаритъ къ небесамъ. Данилова спиралъ, и долго.

Ханъ Крымскій, Девлетъ-Гирей, ненавидѣлъ Россію. Нагайскія Орды выбрали другаго Хана, Шагинъ-Гирея, и прошли помощи у Екатерины Великой. Ея войска пошли въ Тавриду, въ числѣ ихъ былъ и полкъ Данилова. Тамъ взорамъ Петра Ивановича предсталъ новый міръ. Горы, скрывающія за облаками свои вершины, неизмѣримыя и мрачныя пропасти, рапсія долины, чуждые цветы, травы и дерева подъ роскошными плодами; странная животныя, необозримыя моря, то волнующіеся, то спокойные и блестящіе различными огнями; и на каждомъ шагу или изчезающіе, или еще свѣжіе следы народовъ, славившихся и падшихъ; ихъ пѣни возставали изъ гробовъ предъ воображеніемъ Данилова...

Проживъ не сколько лѣтъ въ Тавридѣ, онъ сѣлъ на корабль, во время Вооруженнаго Неупралашенія, плавалъ по морямъ, приставалъ къ различнымъ странамъ Европы, посещалъ знаменитѣе города, и всего болѣе наблюдалъ и разсматривалъ людей, ихъ правителіства, образъ мыслей, нравы и обычай. Онъ видѣлъ въ Константинополѣ всепоглощающій деспотизмъ и само-

довольное невѣжество, которые сами себя разрушали; въ Испаніи новый Римъ, еще неочищавшійся, послѣ жесточайшихъ мученій, отъ пороковъ дрѣвняго; во Франціи добродѣтельного Государя на тронѣ, а подданныхъ, обуянныхъ злыми мечтами; въ Англіи прѣславлѣ свободными постановленіями, и въ узахъ народъ и правителіи; въ Германіи упные законы, гражданъ міра, а не опечеснѣва, и пустыя слова подъ громкимъ шипломъ Философіи. Но у сихъ же народовъ Даниловъ находилъ многихъ исполнено-мудрыхъ и благонамѣренныхъ мужей, соль земли; замѣчать ихъ вздохи не столько о самихъ себѣ, сколько о слѣпопѣ ихъ согражданъ, быть свидѣтелемъ ихъ твердости въ страданіяхъ, спокойствія въ самой смерти. Отъ взоровъ его не ускользнули свѣтъ и добро, которые отъ сихъ страданій, отъ сихъ смертей разбросывались во мракѣ и побѣждали пороки. Мало по малу онъувѣрился, что торжество безумія и злобы непродержало и само собою разрушается; что испытана и добродѣтель въ самомъ паденіи побѣдительны и никогда не испребляются; что тщкомъ онъ поддерживаетъ и сохраниваетъ и частныхъ людей и цѣлые народы. Такъ предъ глазами Данилова явился міръ въ настоящемъ его видѣ; такъ вѣдомо было сего поступки. Онъ возвратился въ Россію, и былъ опредѣленъ Ассесоромъ въ Казенную Палату, въ Пензѣ.

(Продолженіе съ слѣд. №).

КАЛМЫЧКѢ.

Прощай, любезная Калмычка!
Чушь чутъ, на зло моихъ замѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Всльдъ за кишинкою швоей.
Твои глаза конечно узки
И плосокъ носъ и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь по-Французски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ;
По-Англійски предъ самоваромъ
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сенъ-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣть мысли въ головѣ,
Не разпѣваешь: Ma dov'e,
Галопъ не прыгаешь въ собранья...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мѣ запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.

Друзъя, не все ли одно и то же:
Забыться праздною душой
Въ блесняющей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибишкѣ кочевой?

Крс.

А. Пушкин

БИБЛИОГРАФИЯ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Гернани, ou l'honneur castillan, drame, par Victor Hugo (Гернани, или Кастильская честь, драма, соч. Виктора Гюго, представлена на Французскомъ театре 25-го Февраля 1830).— Парижъ, 1830 (154 стр. въ 8-ю д. л.)

(Окончаніе).

Статья II.

• Больше всего поразила насъ въ драмѣ Г. Гюго совершенная скудость идей иъ соображеній оной. Что было у него въ мысляхъ, въ минуту драматического созданія? Ничего точного, ничего опредѣленного; это ясно. Не то, чтобы Г. Гюго не зналъ, чего желалъ онъ: написать иначе, нежели до него писали, поправить ногами при единстве, смыть по произволу всѣ штобы, разбить безжалостно форму, въ которой выливалась спихъ Расиновъ; вводить новое, вводишь безъ числа, — воинъ что было имъ весьма симпатично предположено за правило. Но все это, какъ понялио всякому, относится только къ формѣ, а здѣсь идешь дѣло о самой сущности его драмы. Возьмите самыя различные драмы Шекспира, пѣ, въ коихъ его фантазія была совершенно свободна, равно какъ и пѣ, въ коихъ Исторія спрятавшее предписывала ему свой законъ: во всѣхъ вы найдете первородную мысль, которой развитіе видимъ и чувствуетъ, и которой съ единствомъ придастъ жизнь цѣлому сочиненію. Возьмите даже, если угодно, *Фигаро* и *Женитибу*, сей образецъ драматической шалости, на которой такъ охотно ссылаются удивленные поборники Гернани: завязка въ сей комедіи очень перемѣшана и запутана; и совсѣмъ пѣть непреложное и сильное единство отвсюду въ ней рождается. Въ *Гернаніи*, какъ намъ кажется, пѣть ничего подобного. Бывъ подъ властію сильныхъ впечатлѣній, произведеныхъ въ пять романами о *Садѣ* и идеальными красопами Кальдерона, Г. Гюго мечталъ о созданіи драмы Испанской съ ея дивнымъ движениемъ пеашральнымъ, съ ея роскошью поэтической. Въ такихъ мечтахъ порожденъ *Гернани*. Двадцать часинныхъ созданій, постепенно привязанныхъ одна къ другимъ, сплелись для того, чтобы придать наружную сущность сему смѣшенному сборищу неясныхъ очерковъ; но испиннаго начала жизни драматической, *первородной мысли*, какъ мы назвали ее предъ

симъ, недоспавало и недоспаетъ сему созданію. Скажутъ ли, что слово: *Кастильская честь*, данное въ заглавіе сей драмѣ, есть не что иное, какъ знакъ этой мысли? Но сія честъ пріемлемъ спо различныхъ видовъ, и въ нихъ является. Должно ли искать ея въ Карлѣ V, которыи подставляетъ свою грудь подъ книжалъ, но не соглашающіяся биѣться рука на руку съ разбойникомъ; или въ спаромъ Сильвѣ, которыи съ опасностью жизни соблюдаетъ долгъ господримешва; или въ Гершавѣ, которыи изпоргается изъ объятій милой супруги, чтобы совершить свой смертный обѣйтъ? Явно, что въ этомъ словѣ пѣть единой мысли; или, когда и есть, то она чистая ощущеніость, разобщенная на многія и различные обстоятельства; словомъ: это *существо*, не могущее одушевиться жизнью драматической. Станутъ ли утверждать, что Поэтъ ходилъ вывески на сцену Испанское общество XVI вѣка? Этого не могутъ утверждать съ важностию: весьма ясно, что Г. Гюго ни минуты не думалъ воскресить сей вѣкъ, спомъ обильный чудесами, вѣкъ, въ копоромъ Коршесъ пускался въ новый свѣтъ, умеръ Падилья и героическая вдова его. Еще съ меньшою основательностью приписали бы ему намѣреніе воскресить, во всемъ поэтическомъ блескѣ, великое лицо Карла V: Государь сей занимаетъ не довольно высокое мѣсто въ драмѣ, чтобы драма была ему подчинена, чтобы онъ въней господствовалъ. Съ какой бы спороны я ни оборошилъ сіе сочиненіе, вездѣ вижу въ немъ только басню, слабо обдуманную, безъ всякой явной цѣли, кроме развѣ той, чтобы привязать одна къ другой сцены разнаго эффекта, предназначенный, каждая въ своемъ родѣ, для того, чтобы выказать подъ разными видами поэтическій даръ Сочинителя: здесь комедію интриги съ ея живою свободой разговора, тамъ діонірамбъ съ его лирическою смыслистю; здесь опрывистую силу разговора Корнелева, тамъ сладкія рѣчи любви съ ея нѣжными изліяніями. Множество красотъ можетъ блеснуть въ эпизодахъ разныхъ частяхъ; но связи въ нихъ пѣть и пѣть души, которыя совокупляла бы всѣ сіи члены въ одно шѣло.

Г. Гюго означилъ время выведенаго имъ дѣйствія 1519-й годъ. Онъ занимствовалъ у Исторіи повѣдѣнія временъ одно изъ знаменитѣйшихъ лицъ ея, Карла V; довольно для того, чтобы сказать, что онъ не уноситъ насъ въ спрану вымысловъ. Отъ чего же драма его есть длинная цѣль нарушений исторической сущности, родъ безпрерывнаго ахарапизма? Отъ того самого, на что мы предъ симъ указывали: отъ неопределеннности, въ которой колебалась мысль его, когда онъ создавалъ свое произведение. Можетъ быть, съ высоты заоблачной слаживающіяся для взора разстоянія времени и мѣста: но высота заоблачная — обиталище Поэта лирическаго, а драма живеть на землѣ. Нѣть сомнія, что события историческія должны отвечать